

4-1457323

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

СЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Отдельный оттиск

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИАУКА»

Москва 1972

B. K. Соколова

ТИПЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

Топонимические предания — один из наиболее древних и широко распространенных видов преданий у всех народов. «Местные названия с древнейших времен служили предметом народных преданий»¹. Пополняясь все время, топонимические предания сохранились до нашего времени. Им прежде всего присущи основные признаки, отличающие предания в целом: обращенность в прошлое, установка на достоверность, прикрепленность к месту, к объекту.

Основой топонимических преданий, как и названий, которые они объясняют, порой служили действительные факты, по поводом для их возникновения были нередко сами названия, причем использовались и общие мотивы, связывавшиеся с разными местами. Цель настоящей статьи — выяснить наиболее распространенные приемы образования топонимических преданий и выделить в соответствии с этим их отдельные типы. Статья построена на восточнославянском материале, но в ней привлекаются и предания других славянских народов, построенные по тем же принципам. Топонимические предания исключительно многочисленны, записана же только незначительная часть их, и приводимые примеры (число которых можно увеличить во много раз) не исчерпывают всего их многообразия. Цель их — показать основные типы преданий.

Назначение топонимических преданий — объяснить, почему произошло то или другое название местности, поселения. Но не все топонимы требовали объяснения и не всякое объяснение их можно считать преданием.

1

Значительную группу составляют названия, связанные с физико-географическими особенностями местности: формой рельефа, цветом воды, камней, почвы, местоположением и пр. По таким признакам часто назывались реки, озера, горы, утесы и пр.; например, озера: Голубое, Черное, Широкое, Круглое, Долгое, Верхнее и Нижнее;

¹ «Słownik folkloru polskiego». Pod redakcji J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965, str. 270.

речки: Крутозерка — крутые берега, Каменка — течет по камням, имеет каменистое дно и пр.; Камень Плакун — «Вода с горы каплет кап-кап-кап, как слезы льются. Плачет камень»². Название речки Висим объясняют так: «Течет Висим из-под горы, ручейком с камня падает, будто висит — отсюда и слово Висим»³; или же говорят, что Висим — слово вогульское, «это по-ихнему значит быстрая»⁴. Такие объяснения передко встречаются и у других народов. Так, поляки название Drzycimia объясняют тем, что здесь издавна были болота и земля дрожала, когда по ней шли или ехали⁵. Причудливые очертания камней, скал давали повод для названий вроде Стариц, Медведь, Монах, Баба-Яга и пр. Они так и объяснялись: «Баба-Яга — камень. Как женщина. Она сидит на камню-то как баба-Яга»⁶. Такие объяснения, конечно, не предания, а простая констатация тех признаков, по которым было дано название, в них отсутствует основной признак преданий — повествование о случае, произшедшем в прошлом.

Естественно-географические признаки, по которым якобы было дано название местности или селения, могут относиться к прошлому — когда-то на этом месте было озеро, рос лес, водились такие-то звери или птицы и т. п. Так, про Кастяны (Гродненская обл. БССР) говорят, что на этом месте рос большой лес, в котором было много ягод костяники⁷.

Серию такого рода объяснений названий сообщил информатор из закарпатского села Белки («Білки»). По его словам, здесь раньше был лес, в котором местные жители укрывались от татарских набегов. Лес вырубили, но в местных названиях сохранилась память о росших здесь древесных породах. «В цих лісах росли різні дерева, як: дуби, граби, ліщини та інші. Пізніше дерева вырубалися й на тих місцях повстали поля, а ті дістали назви від дерев, які там росли: де росли дуби, стала назва Дубники, де граби — Грабок, де ліщини — Ліщок та інші. В одній частині поля росли дуже старі, як чорні дуби, од яких и лишилася назва Чорний Дуб»⁸. (Дальше информатор отмечает, что местные названия давались и по другим поводам: «Окрім цих пазв суть ще інші від інших причин», — и приводит названия, связанные с татарскими набегами и пр.) В таких случаях могут появляться и более развернутые рассказы. Например, белорусская деревня Лань по преданию названа так потому, что здесь водилось много ланей, они приходили на водопой к речке,

² «Предания реки Чусовой». Составитель В. П. Кругляшова. Свердловск, 1961, стр. 95, № 18.

³ «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим)». Составитель В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, стр. 48, № 13.

⁴ Там же, стр. 47, № 11.

⁵ W. Lega. Okolice Świecia. Gdańsk, 1960, str. 195.

⁶ «Предания реки Чусовой», стр. 92, № 5.

⁷ Архив ИИ-та искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР (далее — Архив ИИЭ и Ф). Записано в 1950 г. в дер. Чамары Костяновского сельсовета Слонимского района Гродненской обл. от А. Чегрыни.

⁸ «Легенды Карпат». Ужгород, 1968, стр. 185.

которую стали называть Ланской. А потом построили село и называли его Лань⁹. Или Заберлине: когда-то здесь на месте болот было море, по которому ходили пароходы и берлины. Однажды буря потопила берлины. Вот и назвали Заберлине¹⁰.

Подобные названия связывают и с первыми пришельцами, плававшими будто бы свои поселения по каким-то местным особенностям. Например, в Закарпатье рассказывали, что во время татарских набегов два опришки помогли бедной вдове, скрывавшейся в лесу, а потом женились на ее дочерях и поселились в долине Тиссы. Сюда пришли их родные, и так возникло небольшое село, «а що на його околиці находилося богато кваслої (т. е. кислой) води, назвали й село Кваси»¹¹. Другое же закарпатское село по преданию названо Голубине потому, что над долиной, где поселились пришедшие сюда люди, летало много голубей. Подобные объяснения названий селений есть и у других славянских народов. Так, хорваты рассказывают, что на месте селения Дубцы (в Истрии) пришедшие лет 500 тому назад три семьи из Далмации увидели огромный дуб. Одна семья осталась здесь и основала Дубцы (Dulsci)¹².

Иногда даже иноязычные названия поозвучию объяснялись как возникшие благодаря каким-то местным особенностям. Например, о Каргополе, название которого идет от финно-угорских языков, существует предание: новгородцы, предводительствуемые князем Всеволодом, разбили здесь чудь и на месте их стани основали русское поселение. «Здесь водилось множество ворон, называемых каргами, отчего и селение получило название Каргина-поля, а после Каргополя»¹³.

Такого типа объяснения названий приурочивались также к легендарным и историческим лицам. По одной из версий название первой польской столицы Gniezno (гнездо) произошло потому, что основавший его легендарный Лех увидел на этом месте гнездо орла (или много гнезд). Название же Липница поляки связали с Казимиром Великим: когда он проходил со своим войском, здесь было несколько домов и росла большая липа. Король пронзил ее мечом, сказав: «Вот так липа!» С тех пор местечко стало Липницей, а его герб — липа, пронзенная мечом¹⁴. Но это уже предания об исторических лицах и произошедших с ними случаях, а не собственно топонимические; природные признаки, послужившие якобы поводом для названия, имеют в них подчиненное значение.

Особую группу представляют фантастические рассказы о том, как произошли те или другие особенности местности. Эти легенды генетически связаны с этиологическими мифами и иногда сохраняют

⁹ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1951 г. в дер. Лань от П. Юхневского.

¹⁰ Там же. Записано в с. Риболовичи Гомельской обл. от М. И. Юхневича.

¹¹ «Легенди Карпат», стр. 132.

¹² «Istarske narodne priče». Redakcija, uvod i komentari Bošković-Stulli. Zagreb, 1959, str. 122, N 77.

¹³ «Город Каргополь». «Олонецкие губернские ведомости», 1892, № 56.

¹⁴ M. Karas. Powieści ludu krakowskiego. Kraków, 1959, str. 23.

очень древние представления, входят в них и некоторые мотивы из богатырского эпоса. Позже они сближаются с христианскими религиозными легендами и пополняются их мотивами; чудесные явления получают новое осмысление. Легенды эти не являются собственно топонимическими, но они могут объяснять названия источников, гор, камней и пр., о чудесном появлении которых в них рассказывается.

Некоторые из этих легенд отражают представления о живших некогда великанах, которые перебрасывались огромными камнями, целыми горами. Так, на Днепре, около порогов, были два огромных камня — один в воде под правым берегом, другой на левом берегу. Их называли «Богатыри» и рассказывали, что в давние времена здесь сошлись два богатыря и стали кричать один другому через Днепр: «Уступи міні місто, я посилюсь з своїм народом». Так как ни один не хотел уступить, решили померяться силами и бросили камни одинакового веса: камень, брошенный богатырем с левого берега, упал в воду у правого берега, а богатырь с правого берега перекинул камень через Днепр; богатырь с левого берега тогда ушел, а на камне, лежащем на левом берегу, остался след от пальцев и ладони богатыря¹⁵.

Такого рода «богатырские следы» относились иногда и к прославленным народным эпическим героям (в том числе и к действительным историческим лицам), имена которых сохранялись и в местных названиях. Так, знаменитый Олекса Довбуш будто бы оторвал и бросил на окружавшее его со всех сторон войско огромный кусок горы, «ніхто з ніх не зостався в живих, усіх їх потолочила на смерть он та каменюка, яку в народі так і називають: «Камінь Довбуша»¹⁶. В Болгарии и Югославии очень много подобных легенд было связано с Марком Кралевичем; показывали рассеченные его мечом скалы, впадины от копыт его богатырского коня Шарца и т. п. Так, например, около Охрида ряд мест носит имя Марка: Марков камень, Марково седалище, Маркова нога, Маркови бочви (бочки; в этом месте остался красный след от вытекшего у Марка из бочки вина)¹⁷ и др.

Предание о Змеевой горе, услышанное Олеарием на Нижней Волге в XVII в., сохранило змееборческие мотивы: «Некоторые баснословят, что гора получила название от змея сверхъестественной величины, жившего здесь, нанесшего много вреда и, наконец, изрубленного храбрым героем на три куска, которые затем превратились тотчас же в камни. Говорят, что действительно на горе можно видеть три больших длинных камня, лежащих близко друг к другу, точно они отбиты от одного куска»¹⁸.

¹⁵ М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 230—231.

¹⁶ «Легенди Карпат», стр. 58.

¹⁷ Братя Миладинови. Български народни песни. София, 1942, стр. 528.

¹⁸ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 79.

Легенды об окаменевших людях или животных (обычно это наказание) были довольно распространеными; основанием для них служили очертания гор и камней, соответственно которым давались и названия (названия появлялись, как правило, раньше рассказа, они будили творческую фантазию). Древние легенды об окаменении могли приурочиваться и к историческим событиям, в том числе не таким уж давним. Например, с. Баран в Костромском уезде называлось так якобы потому, что здесь в «смутное время» поляки отняли у бедной вдовы барана и зарезали его. Баран обратился в камень, который показывали ¹⁹. Вносились в легенды и социальные мотивы. Так, большую скалу на р. Черемош в Путинльском районе Черновицкой обл. называли Богачка («Багачка»). Рассказывали, что здесь жила богатая барыня, беспощадная к работавшим на нее крестьянам. Однажды к ней во дворец зашла умирающая от голода вдова с ребенком на руках и попросила кусок хлеба. Богачка прогнала ее и бросила ей камень. «Бодай ти сама тим камнем стала!» — сказала бедная женщина. Слова ее сбылись, и многое столетий стоит скала Богачка ²⁰. В этом предании использован мотив христианских легенд — камень вместо хлеба. О двух скалах у Охрида македонцы говорили, что это поссорившиеся из-за чего-то и убившие друг друга братья, которых бог обратил за это в камни («и господ ги претори на камень») ²¹; красные же пятна около камней — их кровь.

Красноватый цвет почвы, камней, растительности, служивший основанием для названий Красный ²² или Кровавый, нередко объяснялся как следствие пролитой в данном месте крови. Древние мотивы сохранились в преданиях о Кровавом камне (Kravji kamen), приведенных И. Графенauerом ²³. В них рассказывается, что на границе Хорватии были столкновения между племенами или же была принесена человеческая жертва для закрепления границы: пролитая кровь выступила на камне в виде красноватых пятен. Красный цвет служил как бы напоминанием о кровопролитных битвах с врагами. Например, белорусы название Красный Став объясняли так: здесь была битва с татарами, и вода была красная от крови ²⁴. Таково же толкование названия Кровавое поле в Нижней Силезии, где земля на значительном пространстве очень красная; местные жители утверждали, что это от крови, пролитой здесь в бою с нем-

¹⁹ В. Смирнов. Клады, паны, разбойники. «Труды Костромского научного общества по изучению местного края». Кострома, 1921, вып. XXVI, стр. 29.

²⁰ «Легенды Карпат», стр. 194.

²¹ Братя Миладинови. Указ. соч., стр. 527.

²² Сюда не относятся нередко встречающиеся у русских названия Красное Село, Красная Горка, Красная площадь и т. п. Они не имеют отношения к красному цвету, азначают красивое, хорошее, парадное. Никакие фантастические рассказы с такими назначениями обычно не связываются.

²³ I. Grafenauer. Cloveška stabna daritov v slovensku narodni pripovedki in pesmi. «Slavistična revija». Ljubljana, 1957, N 1—4, str. 48—50.

²⁴ M. Fédorowski. Lud białoruski na Rusi Litewskiej, t. III, cz. II. Kraków, 1903, str. 19.

цами²⁵. Такого рода легенды иногда могли приурочиваться и к событиям сравнительно недавнего прошлого. Так, о Красной Полянке под Осием, выделяющейся своим необычным цветом, существует предание, что проходивший с войском Наполеон казнил здесь не послушных солдат; от их крови земля стала красной и такой осталась²⁶.

Легенды о крови, окрасившей землю или камни, бывают разного характера. Например, в Закарпатье есть Червона скеля (Красная скала), с которой связан сюжет балладного типа. Во время отсутствия воеводы татары разграбили его замок и увезли в плен молодую жену и маленького сына, осталась только спрятавшаяся дочка. Сын воеводы вырос добрым юнаком и, когда встретил в плену старого слугу отца, бежал с ним на родину в Хустский замок. По дороге старый слуга умер, а юноша встретил ехавшую верхом сестру и спас ее от медведя. Сестра узнала брата по родинке на плече, обняла его, слуги же донесли воеводе, что его дочь обнимается с татарином. Разгневанный отец велел отрубить татарину голову, и слуги, не дождавшись воеводы, казнили его на скале напротив замка. Приехавший воевода узнал в «татарине» сына и закололся мечом. «Він помер на мертвому тілі свого сина. Іх кров змішалася й почервонила скелю, яку відтоді почали називати Червоную»²⁷.

В ряде легенд говорится о происхождении и названии разных источников. Одно из древнейших объяснений унаследовано от этиологических мифов — в реки были обращены люди; реки потекли от крови. В пережиточном виде подобный мотив сохранился и в русских былинах — Дунай потек от крови богатыря Дуная. В более поздних легендах мотив этот существенно трансформируется. Так, по польской легенде р. Туя образовалась из воды, которую расплескала красавица Туя, убегавшая от преследовавшего ее великана-разбойника. «Реку эту и по сей день называют Туя в память о мужественной девушке. . .»²⁸

В легендах, возникавших в средневековье, чудеса обычно осмысливались в соответствии с христианскими представлениями как проявление божественной силы, доказательство святости, невинности или как наказание за грехи. Так, Свиридовы могила (курган) на Украине появилась якобы потому, что когда-то некий Свирид пахал здесь на «великден» (пасху), что считалось большим грехом, — он хотел посмотреть, правда ли день большой и много ли можно в этот день наработать. Когда окончилась служба в церкви и зазвонили колокола, раздался страшный гром и Свирид с волами провалился. «А на тим мисти стала могила. Вона й доси зовець Свиридова могила»²⁹. В хорватской легенде, связанный с гротом святого Сте-

²⁵ R. Zamarski. *Podania i basni ludu w Mazowszu*. Warszawa, 1902, str. 148.

²⁶ W. Łęga. *Ocolice Świecia*, str. 191.

²⁷ «Легенды Карпат», стр. 118.

²⁸ «Польские народные легенды и сказки». Перевод и вступит. статья Я. Мацюсович. М.—Л., 1965, стр. 45.

²⁹ П. Кулиш. *Украинские народные предания*. М., 1847, стр. 69.

фана (пещерой, где он жил), рассказывается, как появился здесь целебный источник. Однажды к Стефану пришла девушка, которую можно обвинили в разврате, и сказала, что спрыгнет с горы: если она грешна, то разобьется, если же невинна, то пусть на месте, куда она прыгнет, появится источник и исцеляет людей³⁰. М. Бончкович-Стулли отмечает, что этот сюжет в Югославии распространен довольно широко, он связан с разными местами и лицами, но всегда в знак невинности женщины появляются источники, которые получали соответствующие названия³¹.

Встречающиеся же в разных местах названия, включающие слово «святое» (святое озеро, святой колодец, святой остров и т. п.), обычно объясняли так: здесь была церковь (часовня); появилась чудотворная икона; кто-то получил исцеление. Святой остров (и дер. Святозеро) на Онежском озере так называли якобы потому, что на нем заночевал шедший из Соловков святой человек.

Рассказывали и о чудесных знамениях, бывших в каком-то месте. Например, название польской дер. Пршестанку (Przestanku) объясняли так: когда-то давным-давно здесь была война и с неба послышался голос: «*przestań*» («перестань»). В память этого названа деревня. Говорили, что когда снова будет война, она кончится в Пршестанку³².

Топонимические легенды, особенно религиозного характера, естественно забывались с утратой веры в чудесное, но некоторые из них (о чудесных превращениях, героико-патриотические) сохранялись как интересные и часто поучительные рассказы, связанные с определенными местами.

2

В собственно топонимических преданиях топонимы объясняются по-разному:

1) производятся от имен местных жителей — первопоселенцев, владельцев и прочих или исторических лиц, которые в действительности либо по народным представлениям связаны с этими местами, или же вместо имен этих лиц указываются их сословная принадлежность, занятия, национальность и пр.;

2) связываются с историческими событиями, случаями с известными лицами, с местными происшествиями и обычаями;

3) производятся от слов, произнесенных кем-то в данном месте.

1. Рассказы, объясняющие топонимы как производные от личных имен, составляют основной раздел топонимических преданий. Такой способ объяснения названий местностей и поселений наиболее древний. Топонимы, так же как и этнонимы, производились от имен мифических первопредков, божественных покровителей рода и племени и пр. Многочисленные мифы и легенды такого рода достаточно

³⁰ «Istarsko narodne priče», str. 118, N 68.

³¹ См. там же, стр. 182.

³² M. Karaš. Указ. соч., стр. 26.

известны (например, легенда о братьях Ромуле и Реме, вскормленных волчицей, и основании Рима; об Эгее, утонувшем в море, названном его именем, и пр.). В дальнейшем названия городов производят от имен племенных вождей и первых князей, действительных или легендарных, от имен прославленных героев. Так, название Krakov поляки производят от имени легендарного Krakа, убившего якобы жившего на этом месте страшного змея, опустошившего окрестности. Наиболее раннее из сохранившихся восточнославянских преданий такого типа — известный летописный рассказ о братьях Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди и основании Киева. Позже все большее число названий начинает связываться и с простыми людьми: первопоселенцами; лицами, сделавшими что-то; местными жителями, с которыми в данном месте что-то случилось, и т. п.

Народные предания отметили действительностью часто встречавшиеся случаи — название местностей и поселений именами как-то связанных с ними лиц. На географической карте мира значится немало пунктов, названных именами лиц, их открывших или исследовавших. Имена крупных исторических деятелей и представителей национальной культуры присваивались и присваиваются городам и другим пунктам. Несравненно больше топонимов связано с именами местных жителей. Процент названий поселений, производимых от личных имен, достаточно высок. По подсчетам В. А. Жучковича, изучающего белорусскую топонимику, в Белоруссии 18,6% населенных пунктов названы по фамилиям³³. У русских этот процент значительно выше. По данным, приведенным в этой же работе В. А. Жучковича, в восточных районах Орловской обл. подобных названий 28,8%, а в южных районах Ярославской обл. — 39,3%. С рядом этих названий связаны предания, поясняющие, кто был тот человек, имя которого увековечил топоним, и почему это произошло.

Сообщавшие предание сами порой подчеркивали, что названия чаще давались по людям. Так, один из информаторов, пояснив, что с. Кутынино в Саратовской обл. названо по имени Кутынина, пришедшего откуда-то и обосновавшегося в этом месте на берегу Медведицы, обобщил: «Один человек как что сделает, так и пойдет от него название»³⁴. В подтверждение этой мысли он привел и другой пример: «Возьми Желтов колодец, сделал Желтов, зажиточный крестьянин. У него несчастье случилось, сын что ли утонул. Он в честь его и сделал родник глубокий, метров 40 будет, на большой Саратовской дороге. Вот и Желтов колодец». Так же говорили местные жители студентам Уральского университета, собиравшим летом 1969 г. фольклор в Верхотурском районе Свердловской обл. «Все они (де-

³³ В. А. Жучкович. Происхождение географических названий Белоруссии. Минск, 1961, стр. 27.

³⁴ «Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья». Составители Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Саратов, 1969, стр. 217, № 5.

ревии) назывались по имени первых жильцов»; или: «Какой первый человек, такая и деревня»³⁵.

О том, как широко распространены подобные представления, свидетельствует и художественная литература. Так, Николай Щипачев в очерке «Сарычи» передает свой разговор с местным рыбаком о названии озера: «Вот сколько ни живу, — говорю я, — . . . все слышу: Сарычи, Сарычи. А что это обозначает, не знаю. У нас тут татарские названия встречаются, не оттуда? Или от птицы?» — «Да какое же оно татарское? Нет, — поясняет дядька. — И не от птицы. Но утопленникам имя дано. Были мужики такие». Дальше следует рассказ, как давно два рыбака пытались освободить зацепившуюся за корягу сеть и утонули. «Ну, мужиков-то фамилии были Сарычевы — вот и пошло, что Сарычи да Сарычи». Рыбак привел еще случаи, когда названия давались по фамилиям, и подобно другим народным рассказчикам заключил: «Да мало ли чего у нас на земле фамилиями расписано? Как называется это там по аристократическому — родословное дерево. Так у нас не дерево, а лес, чащи»³⁶.

Подобный способ объяснения топонимов был очень распространен, и предания о действительных лицах, оставивших свои имена в местных названиях, дополнялись создавшимися по их типу рассказами о лицах, имена которых производились уже от топонимов. Как производные от имен собственных стали объяснять и некоторые названия, данные по географическим особенностям, обязанные какому-нибудь случаю, и т. п. Так, наряду с приведенными объяснениями происхождения названия р. Висим встречается и такое: «Какой-то жил по речке Висим . . .»³⁷ А если имени, точно соответствующего топониму, не находилось, говорили, что со временем его забыли, перепутали. Например, о происхождении с. Усениново и его названия рассказывают, что лет 400 тому назад «за километр отсюда жил один нацмен, Устим . . . Облюбовал это место и поселился . . . А потом село, где Устим-то жил, и назвали по его имени, да перепутали, и стало село не Устиновым, а Усениновым. Так и сейчас зовется»³⁸. Также и название порога на Свири Лисья Голова. данное, очевидно, по форме какого-то камня, связали с прозвищем местного крестьянина, пошедшего будто бы от слов Петра I. Когда Петр хотел очистить русло реки, этот крестьянин не сумел вовремя подложить балку под поднимаемый камень, и Петр I в сердцах воскликнул: «Ах, ты, лысая голова!» «С этой-то поры и мужика стали звать Лысой головой, да и порог также. А что теперь его зовут

³⁵ Сообщено В. П. Завьяловой в докладе «Экспедиция 1969 года в старинный русский город Верхотурье», прочитанном на секции фольклора Научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1969 г. во Львове. 13 марта 1970 г.

³⁶ «Огонек», 1970, № 15, стр. 27.

³⁷ «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка», стр. 48, № 14.

³⁸ Архив кафедры фольклора Уральского ун-та. Записано 14 июля 1967 г. в с. Усениново Туринского района Свердловской обл. от П. И. Золотарева, 1893 г. р.

Лисьей Головой, так это уж по забвению народ переменил»³⁹. Такого рода толкования топонимов в преданиях не единичны.

Самую большую группу преданий, объясняющих топонимы как производные от личных имен, составляют *предания о первых поселенцах*⁴⁰. Иногда об этом сообщают очень кратко — деревня названа по имени первого поселенца такого-то, без каких-либо дополнительных пояснений. Так, в упоминавшемся уже предании о происхождении названия с. Кутыина сказано только, что сюда пришел откуда-то Кутыин, от него и село пошло. Или о дер. Кашка: «Кашка — будто бы фамилия была какого-то человека»⁴¹. Барабашин-Яр — там жил когда-то казак Барабаш. «А в Гудзіївці жив колись чоловік Гудзь, то од ёго вже и вся слобода Гудзіївкою прозвалась»⁴². Или «Самары Тут озеро было, и на нем рыбак был Самар. Он тут поселился. С того времени стали Самары»⁴³. Болгары название Панагюрище производят от имен первых поселенцев Пано и Гюро⁴⁴ и т. п. Но обычно все же поясняется, кто были первые поселенцы, откуда и почему они пришли. С некоторыми лицами связаны и сюжетные рассказы.

Среди таких преданий встречаются рассказы, напоминающие по построению архаичные родоплеменные сказания о расселении братьев, положивших начало родственным племенам. Рассказывают о двух или трех братьях (братьях и сестре), поселившихся поблизости и основавших соседние деревни; иногда поселяются поблизости люди из одного села, товарищи. Так, на Онежском Севере рассказывали, что у Валдиеvского погоста впервые поселились

³⁹ Е. В. Барсов. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края. «Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», кн. IV. М., 1887, стр. 34.

⁴⁰ О том, как часто села и деревни назывались по именам первых поселенцев, можно судить хотя бы по «Словарю Верхотурского уезда Пермской губернии» И. Я. Кривошекова (Пермь, 1910). Перечисляя поселения, Кривошеков указывает, какие из них были уже в 1624 г., когда в Верхотурском уезде проводил перепись Тюхин. Оказывается, что в то время на месте ряда сел значились один или несколько дворов, имена владельцев которых носят выросшие затем села. Например, Болотовское село: «В первый раз деревня упоминается в 1624 г. по переписи Тюхина, как поселок Ларп Болотова с двумя дворами пашенных крестьян» (стр. 286); Долгова — по переписям 1624 и 1680 гг. здесь значился «двор стрельца Ивашки Долгова» (стр. 391); Костылева деревня — по переписи 1624 г. здесь значилась пашня Семейки Костылева (стр. 465); Литовская деревня на р. Туре — «поселение братьев Литовских» (стр. 500); Пряничникова — здесь в 1673 г. была отведена земля основателю деревни, стрельцу Евдокиму Пряничникову (стр. 677).

«И до сих пор русские старожильческие села на Лене хранят имена своих давних основателей: Ивашки Дмитриева, Синюшкина (с. Синюшкино, 1663 г.), Гришки Савини Омоловико (Омоловское, 1689 г.), Пашко Тарасова (с. Тарасово, 1699 г.), Ивашки Пуляева (Пуляево, 1652 г.) и многих других», — пишет Е. И. Шастина в предисловии к сборнику сказок, записанных ею на Лене («Сказки Ленских берегов». Иркутск, 1971, стр. 4).

⁴¹ «Предания реки Чусовой», стр. 29, № 16.

⁴² П. Кулиш. Записки о Южной Руси, т. I. СПб., 1856, стр. 142, 105—106.

⁴³ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1953 г. в дер. Самары Ратнянского района Волынской обл. УССР от М. С. Баранчука.

⁴⁴ «Народни предания и легенди». «Българско народно творчество», т. 11. София, 1963, стр. 176.

богатыри: около Копырева болота — Копыря (отсюда и пошло название болота), пониже — два брата Замежных — Тарас и Залоза, а еще ниже — Назаря. П. Кулиш привел украинское предание о Юровой горе: у какого-то пана было трое детей; сын его Юрась построил себе дом на горе, названной потом Юровой (следы дома остались) ⁴⁵. Ярким образцом преданий такого типа может служить болгарское предание о четырех братьях и сестре, пришедших с р. Олги (т. е. с Волги) и расселившихся поблизости друг от друга. Старший брат Бельо поселился в долине, названной Бельовской; сестра построила с. Сестримо, по имени брата Коста был назван Костенец, Йован положил начало с. Йован-Маала, а младший брат Радул основал с. Радуил ⁴⁶. Но преданий о первопоселенниках такого архаического типа сохранилось немногого.

Возникновение сел связывали и с более поздними событиями. Люди селились в местах, опустошенных вражескими набегами, вновь возрождая их к жизни, или уходили, спасаясь от врагов. Так, с. Городецкое в Рязанской обл. названо будто бы по имени казака Городца. Он жил на другом берегу озера и, спасаясь от татар, переплыл озеро и там остановился. «Старший его сын занялся строительством. На этом месте выросло большое село, которое потом и назвали Городецким» ⁴⁷.

Основная масса преданий, в которых топонимы связываются с именами первых поселенцев, относится к сравнительно недалекому прошлому. В них указываются реальные экономические и социальные причины, заставившие людей обосноваться в данном месте: пришли в поисках лучшей земли, мест для охоты и пр.; бежали от крепостной неволи или солдатчины; были переселены помещиком, сосланы и пр. Предания раскрывают историю края, специфические условия его заселения, особенности быта и занятий местного населения. Так, в русских преданиях, бытующих на горнозаводском Урале, передко говорится, что первые русские пришли сюда с Ермаком; отсюда названия сел Ермаково и т. п. Основателями сел оказываются крепостные, переселенные заводчиками, выигранные Демидовым в карты; беглые крепостные рабочие и крестьяне, бежавшие из тюрем; ссыльные, которых на Урале и в Сибири было очень много. Например, о дер. Давыдовой говорят, что здесь у озера поселился ссыльный Давыдов, построил дом, а потом и еще дома стали строить. «А деревню так Давыдовой и зовут. Значит, по этому ссыльному. И жители там больше все Давыдовы» ⁴⁸. Первопоселником дер. Балакиной (при впадении р. Ивы в Салду) считался Балакин, бежавший от тяготы обязательных работ на Гороблагодатных заводах ⁴⁹.

⁴⁵ П. Кулиш. Указ. соч., т. I, стр. 142.

⁴⁶ «Народные предания и легенды», стр. 178.

⁴⁷ «Устное народное творчество Рязанской области». М., 1965, стр. 106, № 14.

⁴⁸ Архив Уральского ун-та. Записано 15 июля 1967 г. в с. Усениново от М. Е. Нукеловой, 1913 г. р.

⁴⁹ И. Я. Кривошеков. Указ. соч., стр. 264.

Такого же рода предания рассказывали украинцы и белорусы. Так, основателем с. Чумалево (Закарпатье) считали Чумака. Он чем-то провинился перед своим папом, и тот приговорил его к смертной казни. Чумак, когда его везли на виселицу, сбежал в густой лес, где построил шалаш и жил спокойно. Потом к нему пришли и другие беглецы. «Так-то виросло тут, у колишнім густім лісі, село, яке назвали — Чумальовим»⁵⁰. М. Я. Гринблат записал предание, объясняющее название дер. Костюки (Касцюки): один пап проиграл другому братьев Кастусев; они убежали и поселились здесь⁵¹.

Интересное предание о Марковом камне записала студенческая экспедиция Уральского университета. Назвали его «так потому, что в старое время тут жил Марко. Он был в армии у Екатерины II и из армии сбежал, и тут он спрятался. А из армии он сбежал потому, что Екатерина выстроит шеренгу солдат и выберет кого-нибудь и с ним почует, а потом ему голову долой. Она выбрала Марка, а он догадался и сбежал. Жил все у этого камня, выстроил избушку, промышлял, рыбу ловил»⁵².

Упоминания о том, чем стали заниматься первые поселенцы, в преданиях передки, так как возможность заниматься земледелием или каким-либо промыслом, наняться на завод обычно определяли выбор места поселения. «Харепками они (деревня) называются потому, что первый житель был Харитон, так отец сказывал. Харитон жил тут один, охотничал да рыбу ловил...»⁵³ По занятиям населения иногда давались и названия поселениям.

Названия поселений и урочищ по преданиям давались и по именам разбойников, основавших их или живших в этих местах. В русских преданиях это чаще разбойники, жившие очень давно в дремучих лесах и оставившие, как полагали, богатые «заклятые» клады. Так, г. Юхнов назван был якобы по имени знаменитого атамана Юха, или Юшки, стан которого находился здесь в глухих лесах⁵⁴. В Костромской губ. утверждали, что «от трех разбойников — Луки, Василья и Радо (?) — произошли три деревни: Лукина, Васильевская и Радово, которые позднее и образовали одно селение Жарки. Эти названия и разделение села на три деревни существуют до сих пор»⁵⁵. В 23 верстах от Саратова была Буданова гора; по преданию на ней жил разбойник Будан; с нее он следил за проходившими су-

⁵⁰ «Легенды Карпат», стр. 141.

⁵¹ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1956 г. в дер. Костюки Борисовского района Минской обл. от И. Ц. Хильсена, 80 л.

⁵² Архив филологического факультета Уральского ун-та. Записано в 1967 г. в дер. Польнева Полевского района Свердловской обл. от П. А. Сабурова, 64 л.

⁵³ «Предания реки Чусовой», стр. 27—28, № 13.

⁵⁴ Архив Ин-та русской литературы (ИРЛИ) АН СССР, Рук. хр. Р. В., колл. 1, п. 30, л. 2, № 8.

⁵⁵ С. Еремин. Характеристика народных говоров по р. Костроме. «Труды Костромского научного об-ва по изучению местного края», вып. X, ч. 1. Кострома, 1918, стр. 13.

дами⁵⁶. О горе Романиха (около с. Кстова Нижегородской губ.) говорили, что на ней жил, а затем был убит и похоронен разбойник Роман⁵⁷. В Кадниковском уезде Вологодской губ. рассказывали, что в Михайловской волости жил какой-то народ — сорок человек с атаманом Блохой (от них остались «заклятые» клады). Отсюда название «Блохино Раменье» и речка Блошинка⁵⁸.

К ранним разбойниччьим преданиям относится и рассказ об основании с. Шемышейка (в Пензенской обл.). Когда-то в этих местах жил разбойник Шамшай, или Самшай, со своей шайкой. Реку, около которой они жили, они назвали в честь атамана Шемышейкой. Шамшай был пойман и приведен к царю, которому он повинился и пообещал жить мирно, заниматься хлебопашеством. «Вот эти люди, получив царское прощение, начали строить дома, где им было указано. Так в давние годы основалось село Шемышейка»⁵⁹. Об относительно давнем происхождении этого предания свидетельствует мотив повинной разбойника и прощения его царем; характерный для ранних разбойничьих преданий и особенно для преданий и песен о Ермаке, этот мотив в более поздних преданиях о «разбойниках» — социальных мстителях уже не встречается. Село Акуличи (Клетнянский район Брянской обл.) «название свое получило, как гласит предание, по имени Акулы — атамана шайки разбойников, имевшей притон в этом месте». Образ этого Акулы — уже типичный образ «благородного разбойника»: «Акула человек был справедливый, бедных никогда не обижал, а большие от нужды выручал: то деньгой, то хлебом одаривал. Ушел он с друзьями в лес от барского гнева»⁶⁰. Много топонимов связывали с социальными мстителями украинцы. Например, в Карпатах многие места носят имена прославившихся опришек. Так же объяснялись некоторые топонимы и другими славянскими народами. В частности, у поляков, кроме приведенного объяснения названия Drzycimia (дрожала земля), существует и другая версия — здесь когда-то жили разбойники и местность названа по имени их предводителя Држидзюры (Drgydzura), который слыл грозой богачей и благотворителем бедноты⁶¹.

Как можно видеть, предания о первонасельниках, о лицах, живших в данном месте и давших ему свое имя, достаточно разнообразны. Они возникали в разное время, в разных условиях, вбирали в себя некоторые общие мотивы. Образцами для них служили иногда более ранние предания. Но в большей части преданий говорится

⁵⁶ А. П. Минх. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. «Записки РГО по отделению этнографии», т. XIX, вып. II. СПб., 1890, стр. 37—38.

⁵⁷ Архив ГО, XXIII. 130, л. 29 (В. И. Райковский. Сведения этнографические о жителях с. Кстова и окружающих его деревень. 1854 г.).

⁵⁸ Архив ГО, VII. 67, лл. 39—41 (А. А. Шустиков. Кое-что по этнографии Кадниковского уезда).

⁵⁹ «Песни, сказки». Сборник составила А. П. Аписимова. Пенза, 1962, стр. 155—156.

⁶⁰ А. П. Шкроб и В. К. Соколов. Брянская старина. Брянск, 1961, стр. 31.

⁶¹ W. Lega. Okolice Świecia, str. 195.

о простых людях, обычно крестьянах, переселявшихся в поисках лучшей доли, бежавших от крепостной зависимости или насильственно переселенных. Действительность и социальные взаимоотношения в этих преданиях рисуются реально и правдиво.

Предания, объясняющие топонимы *как производные от имен владельцев и лиц, пользовавшихся теми или иными угодьями*, значительно однообразнее. Обычно это и не предания, а простая констатация: Черепанова гора (Свердловская обл.) — место, где были покосы Черепановых; Булатова гора (там же) — покосы Булатовых; Марьина пустошь (Вологодская обл.) — «Тут, говорят, жила тогда какая-то барыня Марья, по ней и пустошь эта называлась»⁶² и пр. Если же об этих владельцах сохранились еще какие-то предания, то к происхождению топонима они, как правило, никакого отношения не имеют.

Некоторые места (горы, ущелья, источники и пр.) по преданиям сохранили в своих названиях *имена лиц, с которыми здесь что-то произошло*. Часто это случаи трагические. Так, шайка разбойников однажды убила целую семью, но у них не поднялась рука на маленькую девочку Катюшу. Разбойники взяли ее с собой, и когда они уходили на промысел, она должна была зажигать на высокой горке костер, чтобы они могли найти свой стан. «В память этой сиротки Катюши зовется доныне высокая гора, на которой пролегает Болтуновская дорога, Катюшиной горой»⁶³. На Кирюшкиной горе похоронен Кирюшка. Он собирал грешных девушек и увозил их к келейницам. Когда парни узнали об этом, то «пошли на гору и взяли с собой Кирюшку. Там они его и убили. С того времени так и называется гора Кирюшиной, мой дед сказывал»⁶⁴.

Название «Шугайлова могила» украинцы объясняли так: когда Украиной правили князья, они спорили из-за границ и село шло на село. Во время одной такой стычки казак Шугайло въехал верхом на курган («могилу»), а с противной стороны его застрелили. «Там его и закопали, и могила с того часу як Шугайлова, то й Шугайлова»⁶⁵. Название г. Могилев, по преданию, значит могила льва. Здесь якобы был похоронен разбойник Машек, отличавшийся необыкновенной силой, почему его и называли Львом. Машек по преданию убила красавица, которую он поймал, но она отвергла его любовь⁶⁶. Однако такого рода предания чаще рассказывали об исторических лицах.

Предания, объясняющие названия *как производные от имен исторических лиц*, очень разнообразны; они возникали по разным пово-

⁶² «Русская старина», 1883, № 9, стр. 654.

⁶³ «Песни, сказки, частушки Саратовского Поволжья», стр. 216, № 2.

⁶⁴ «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка», стр. 49, № 21. О Кирюшкиной горе есть и другая, легендарная версия. Кирюшка и Билимбай были великаны богатыри; они поссорились из-за одной красавицы и обращены в горы (там же, стр. 49—50, № 22).

⁶⁵ П. Кулиш. Указ. соч., т. I, стр. 106.

⁶⁶ Ф. Подобед. Машек (народное предание). «Могилевские губернские ведомости», 1851, приложение к № 8, стр. 123—124.

дам. Как отмечалось, подобный способ образования и объяснения топонимов очень давний, но топонимы связывались и с более поздними историческими деятелями, вплоть до нашего времени.

Иногда топонимы сохраняют имена древних князей, восначальников, память о которых уже изгладилась. Так, название города Туров, происшедшее, по-видимому, от водившихся в этих местах туров (недалеко отсюда р. Турия), летописное предание производит от имени некоего Тура, варяга, пришедшего из-за моря: «Бе бо Рогволод пришел из Заморья, имяше власть свою в Полотьске, а Тур в Турове, от него же и туровцы прозващася»⁶⁷. Okolo Изборска есть места, носящие имя Трувора: городище Трувора, Труворова дорога, Труворов крест и другие, здесь же по преданию находится и могила Трувора. Недалеко от Пскова есть места, связываемые с княгиней Ольгой, которая по преданию родилась около Пскова и до встречи с князем Игорем была перевозчицей на р. Великой: Ольгин ключик, Ольгин след и пр. Ольгин городок есть в Курской обл., в Брянской обл. есть с. Рогнедино и т. п.

С такими топонимами может уже не ассоциироваться никаких преданий, но с ними связывались также рассказы героико-эпического, легендарного или сказочного характера; бывает, что топоним оживляется и получает объяснение уже под влиянием каких-то исторических сведений, книг. В псковских преданиях княгиня Ольга рисуется сказочной мудрой девой, по курскому же преданию она сестра киевских князей Аскольда и Дира, которые скрывали ее от врагов в Ольгове⁶⁸. Объяснение это возникло, видимо, уже под воздействием каких-то исторических сведений.

Героические и фантастические мотивы вошли в предание о мордовской (мокшанской) царице или княгине Нарчатке, давшей имя г. Наровчат. Корреспондент Русского географического общества В. Рождественский сообщил краткое предание: «В местности, где нынче город Наровчат, жила царица Нарчатка, а мордва, обитавшая по буграм, была ее подданными»⁶⁹. Предание было очень распространено, оно в нескольких вариантах записано в 20-х годах нашего века, причем сообщаются сведения и о самой Нарчатке: рассказывают о ее героической борьбе с татарами, а когда татары победили мордову, она бросилась вместе с конем в р. Мокшу. Один информатор даже уверял, что она живет в реке до сих пор и он сам видел ее несколько раз: «Сидит на берегу и косы разбирает. А косы такие длинные». Рассказчик пытался, по его словам, и подойти к ней, но безуспешно: «со всего размаху бросится в воду и пропадет». Так историческое по характеру предание, объясняющее название города, превращается в типичную быличку, а княгиня Нарчатка — в русалку⁷⁰.

⁶⁷ «Повесть временных лет», т. I. М.—Л., 1950, стр. 54.

⁶⁸ М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губернии. СПб., 1904, стр. 51.

⁶⁹ Архив ГО, XVIII.17 (В. Рождественский. Описание быта жителей в Наровчатском у. в северо-западной местности).

⁷⁰ «Песни и сказки Пензенской области». Составитель А. П. Аписимова. Пенза, 1953, стр. 27.

Топонимы запечатлели и имена некоторых предводителей иноземных захватчиков; они как бы напоминали о героическом и иногда очень тяжелом прошлом. Так, у русских есть места, носящие имя Батыя и Мамая. Например, по дороге из Владимира в Сузdalъ находился Батыев курган. О происхождении этого названия существовали две версии: 1) на этом бугре стоял шатер Батыя; 2) это могила суздалъцев, павших в битве с татарами. Неподалеку было с. Батыево, где по преданию стояло войско Батыя ⁷¹. У украинцев сохранилось имя шелудивого Буняка, от которого осталось якобы название Буняково замчище (на р. Случ); рассказ же, связанный с этим местом, фантастического характера и не содержит никаких исторических воспоминаний ⁷². Таких топонимов мало, так как названия связывали прежде всего с национальными героями.

Местности обычно получали имена тех исторических лиц, деятельность которых протекала в данном крае или была как-то с ним связана, которые бывали (или по представлению народа должны были быть) в этих местах. В каждой области были свои особенно популярные лица. Так, в Олонецком крае многие места связали с Петром I, в Поволжье — с Разиным, на Среднем Урале — с Ермаком и затем с Пугачевым. Именем любимого народного героя называли и места, в которых они в действительности не бывали. Так, именем Разина названы урочища и селения не только в местах действия разинцев, но и в Костромской, Пензенской, Рязанской губерниях и др. «Предание утверждает, — писал М. А. Дружинин, — что знаменитый Степан Разин бывал в пределах Тульского края. С его именем связываются пещеры в лесах над Окою у села Тульчина и Селькина, причем последнее село от имени Разина получило и название свое» ⁷³.

В качестве примера, показывающего, как возникали подобные названия и поясняющие их рассказы, можно привести пугачевские предания на горнозаводском Урале. Уральские рабочие, принимавшие активное участие в восстании, сохраняли память о нем и именем Пугачева назвали многие места. Так, в Бакалинском районе «около деревни Нагайбак есть Пугачевская дорога. Поперек дороги — дамба. Раньше там был овраг. Чтобы пройти через овраг, пугачевцы таскали землю шапками. Так и образовалась насыпь». «Недалеко от деревни Наурузово, по дороге на Саткинский завод есть Пугачевская гора, на ней, говорят, Пугачев стоял со своими командирами и совещался, куда дальше войску путь держать» ⁷⁴. В Свердловской обл. есть гора Пугаченок. «Говорят, здесь был отряд Пугачева. Отряд Пугачева, который здесь был, забрал у богачей

⁷¹ Архив ГО, VI.24 (Я. Гарелин. Батыев Курган. 1848 г.).

⁷² М. Драгоманов. Указ. соч., стр. 224—226.

⁷³ М. А. Дружинин. Народные предания о Кудеяре. «Тульский край», 1926, № 3, стр. 33.

⁷⁴ «Народные сказки, легенды, предания и бытъ, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг.» Уфа, 1969, стр. 103, № 38; стр. 102, № 35.

имущество. . . »⁷⁵ В этих и подобных преданиях использованы общие мотивы; в других местах горы, на которых думали думы, насыпи и курганы, землю для которых носили горстями или шапками, связываются с другим лицами; есть и дороги, приписываемые Петру I и др.

Соответственно осмысляются и изменяются некоторые прежние названия. Так, название речки Омелевка осмыслено как производное от имени Пугачева Емельян. Возникло и предание: «Вот Пугачев в наших местах полдничал и привал делал — все места здесь и названы в честь Пугачева. Вот речка Омелевка — воду-то, когда полдничал, из нее брал, войско-то ведь немалое было, а в Казачьих-то степях воды нет. Вот в честь Емельяна Пугачева и речку Омелевскую зовут»⁷⁶.

Топонимы объясняются и как производные от имен соратников Пугачева, действительных (например, Салавата Юлаева) или вымышленных. Одна из версий, объясняющих название Азов-гора, утверждает, будто бы у Пугачева был помощник Азов (по другому варианту — Айзин), именем которого и названа гора. «Когда Пугачев с войском пришел на Урал, он разделился на два отряда, чтобы воевать было легче. Первым отрядом он сам командовал, а вторым его помощник Азов. Постояли на Думной горе, с нее еще гору видно. Вот Пугачев и говорит: «Иди, Азов, на ту гору, сигналы в случае чего друг другу подавать кострами будем». Стоял на Азов-горе этот Азов с войском, вот и зовут с тех пор Азов-гора»⁷⁷ (так осмыслено раньше существовавшее название). Или предание об Исаакиевском камне: «у Пугачева был знаменитый воин, всех врагов побеждал, звали его Исаак. Он со своим отрядом стоял как раз возле этого камня. По нему камень так и назван»⁷⁸. Говорили и о помощниках других исторических деятелей. Названия сел Ермаково и Кольцово объяснили так: «Дружки у него [Стеньки Разина] были — Ермак и Кольцо Иван, его подручные. Вот село Кольцово и Ермачиха назвали так»⁷⁹. Здесь Ермак и его есаул Иван Кольцо стали уже подручными Разина. Основателями сел считали также местных жителей, помогавших в походе Грозному. «Рознега Черемисян по преданию признается основателем села Рознекъя (Макарьевского уезда Нижегородской губернии). . . О Рознеге доселе остается местное предание, что он провожал Иоанна Васильевича Грозного под Казань»⁸⁰.

⁷⁵ В. П. Кругляшова. Уральские предания о восстании Пугачева. «Уч. записки Уральского ун-та им. Горького». Свердловск, 1959, вып. 28, филологический, стр. 236.

⁷⁶ Архив Уральского ун-та. Записано в 1967 г. в дер. Полдневая Полевского района Свердловской обл. от Г. Д. Говорухина.

⁷⁷ Там же. Записано в дер. Полдневая, от Д. А. Вишнева.

⁷⁸ Там же. Записано в дер. Полдневая от Г. Д. Говорухина.

⁷⁹ Фольклорный архив Ленинградского государственного педагогического ин-та им. Герцена, 245/62.

⁸⁰ Архив ГО, XXIII.75, л. 8 (*Макарий. Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича Грозного против Казани в 1552 г. . .*, 1849).

Некоторые топонимы определяют социальное положение или сословную принадлежность, занятия владельцев и пр. Такие указания как бы заменяют личное имя, и предания, объясняющие происхождение подобных названий, очень близки к преданиям, возводящим топонимы к именам, составляя их особую подгруппу. Таких преданий несравненно меньше и они однообразнее; часто это простая констатация факта.

Названия, определяющие сословие или занятие лиц, проживавших в том или другом месте, встречаются в разных областях. Так, в Полевском районе Свердловской обл. топоним Казачий — Казачья река, Казачьи степи, Казачий мост — связывают со стоявшими здесь казаками, чаще с пугачевскими. «В этих степях стояли пугачевские казаки, от старииков слышно было»⁸¹. Или: «На мочаловском болоте есть мост, который настлал еще Емельян Пугачев. Ему с войсками надо было в этих местах проходить... вот по пугачевским казакам мост назван Казачьим»⁸². О р. Казачьей говорят, что в этих местах стояли казаки. «Вот с тех пор реку эту так прозвали еще»⁸³. О происхождении с. Мурзиц (Нижегородская губ.) существует предание, что первое поселение здесь было основано каким-то мурзой, которому вскоре после покорения Казани Иван Грозный подарил участок земли (по другой версии Грозный здесь казнил мурзу)⁸⁴, и т. п.

Такого же рода встречающиеся в разных местах названия урочищ, а иногда и сел. Например, про с. Разбойное говорили, что здесь жили разбойники, был их стап, наблюдательный пункт, зарыты клады.

Подобные объяснения встречаются и в украинском фольклоре. Например на месте «Дворянской могилы» (кургана) был будто бы хутор каких-то дворян⁸⁵; о «Капитан-могиле» «предание говорит, что настоящее свое название могила получила вследствие того, что на ней был убит какой-то капитан»⁸⁶. «Чорнечча гребля» (монастырская плотина) в Нежинском уезде Черниговской губ. была по преданию построена черницами⁸⁷. «Злодійську доріжку» проложил живший здесь венгерец; он занимался грабежом, а награбленное возил по этой дорожке и прятал в болоте. «То оце вкраде и везе за село, да тією доріжкою — сам і доріжку проложив аж до того болітця»⁸⁸. У источника «Разбійнича студниця» (Закарпатье) разбойники будто бы некогда зарыли богатые клады (место ссыло нечистым)⁸⁹.

⁸¹ Архив Уральского уп-та. Записано в 1967 г. в дер. Полдневая Полевского района от А. С. Григорьева.

⁸² Там же. Записано в дер. Полдневая от П. С. Сабурова.

⁸³ Там же. Записано в дер. Полдневая от П. Ф. Пастухова.

⁸⁴ А. П. Мельников. Из прошлого Присурского края. «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. I, вып. XI, 1891, стр. 61.

⁸⁵ М. Драгоманов. Указ. соч., стр. 235.

⁸⁶ Там же, стр. 232.

⁸⁷ Там же, стр. 222.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ «Легенди Карпат», стр. 94—97.

Также и болгары говорили, что Кадин-мост был построен одним кадием ⁹⁰ и т. п.

Топонимы также производились от титула, звания или должности исторических лиц. Так, у русских некоторые места назывались: Царево, Царицыно, Царский. С ними обычно связывали предания. Иногда рассказывали о каком-то царе, жившем давно. Например, по-разному объясняли название Царев Курган на Волге. Говорили, что здесь похоронен какой-то царь (хан); что курган насыпан по повелению царя, считавшего свое войско. Или: «Наименование сего бугра происходит, как сказывают, от некоего Касимовского царевича, который при сем месте имел свою усадьбу; почему и до днесь находящееся при нем село Царевщино называется» ⁹¹. Рассказывали также, что ехавший по Волге царь (какой — не сказано) столкнулся здесь с разбойниками; атаман их был убит и по повелению царя похоронен здесь; над его могилой вырос бугор ⁹². Распространено представление, что курган этот был насыпан разинцами, а название осмысляют так — он (Разин) у них как царь был. Разные версии преданий, объясняющие название р. Царица, привел А. И. Минх ⁹³: здесь будто бы часто гуляла жена Батыя; татарский хан зарубил здесь свою любимую жену, принявшую христианство (другая версия: хан убил дочь, которая хотела принять христианство и бежала); здесь поймали ханскую жену, бежавшую с иностранцем, и др. Такие предания создавались для объяснения существовавшего уже давно названия; отсюда большое разнообразие версий и недостаточная определенность персонажей рассказа и времени (обычно давнего).

Чаще же название «царский» связывалось с определенными царями и царицами, которые назывались (а иногда подразумевались) в поясняющем его предании. Так, в местечке Царицыно (Рязанская обл.) оставалась будто бы царица Наталья Кирилловна, когда была у Нарышкиных ⁹⁴. Как правило же, у русских царь — Иван Грозный или Петр I. Так, про урочище Царь-Конь в Нижегородской губ. говорили, что здесь у Грозного цал конь ⁹⁵. Дорогу Цареву (в Черниговской губ.) проложил Петр, когда «под Полтаву ходил»; тогда здесь были леса, через которые армия не могла пройти ⁹⁶. На севере с Петром I связан ряд таких названий. Царской Лудой

⁹⁰ «Народные предания и легенды», стр. 199—200.

⁹¹ «Дневные записки путешествия... Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году», ч. I. СПб., 1795, стр. 235.

⁹² «Волжский фольклор». Составили В. М. Сидельников и В. Ю. Крупянская. М., 1937, стр. 72, № 29.

⁹³ А. И. Минх. Историко-географический словарь Саратовской губ., т. I, вып. 4. Аткарск, 1902, стр. 1094.

⁹⁴ Архив ГО, XXXIII. 21, л. 6 об. (П. Крылов. Географические, статистические и этнографические сведения о Рязанской губ., 1850).

⁹⁵ Архив ГО, XXIII. 43, л. 2 об. («Княгининского уезда с. Ипкино»).

⁹⁶ П. И. Якушкин. Путевые письма. Соч., СПб., 1884, стр. 380.

стали называть место, где по преданию Петр высек Ладожское озеро (а раньше звали Сухая Луда) ⁹⁷.

Некоторые определения связываются преимущественно только с одним лицом. Так, топоним «государев» («осударев») у русских обычно ассоциируется с Петром I: «Осударева» дорога в Заонежье, действительно проложенная Петром, и др. Также, например, и у словаков название «королевский» связано обычно с королем Матьяшем: Králova hola, Králova skala и др.

Если истоки преданий, объясняющих топонимы как производные от личных имен (так же как и обычай называть поселения и местности именами прославленных лиц), уходят в глубокую древность, то топонимы, обозначающие сословие, служебное положение и прочее, возникали значительно позже; они отражают развитую феодальную иерархию. Правда, отдельные топонимы такого типа, обозначающие вождя, князя, богатыря, могли возникать и раньше; позже некоторые из них могли быть переосмыслины (вместо вождя или князя — царев).

Некоторые названия показывают, откуда пришли первые поселенцы. Так, например, осмыслияется название уральской деревни Свияжина: первыми здесь обосновались выходцы с р. Свияги; их прозвали Свиягилы. «А потом забыли, откуда они, и стали прозывать их Свияжинами и деревня ихняя Свияжина стала» ⁹⁸. Или: «А вот у нас есть улица Арзамасская [в поселке Висимо-Уткинск]. Демидов выиграл в карты у одного помещика людей из Арзамаса. Отсюда и наша улица называется. Вот ведь людей-то живых и продать, и проиграть могли» ⁹⁹.

Названия, указывающие национальность жителей какого-либо села, появлялись, когда вновь пришедшее население находило в этом месте поселения других народностей. Такие названия обычно ясны и не требуют каких-либо специальных пояснений. Так, на Среднем Урале есть села, носящие названия Богулово, Богуличи. О них так и говорят — села были основаны вогулами (что соответствует действительности). Или: в Наровчатском уезде Пензенской губ. были окопотки Литва — говорили, что здесь жили когда-то литовцы ¹⁰⁰.

Среди этих преданий особую группу составляют рассказы, производящие топонимы от этнонимов внешних врагов, с которыми приходилось вести борьбу в прошлом. Для восточных славян это прежде всего татары. О них напоминают эпитеты «татарский», «татарское», прилагаемые к некоторым урочищам и селениям. Так, в Костромской губ. (на левом берегу Костромы при впадении в нее Вексы) показывали Татарскую крепость, а неподалеку Татарский брод; у с. Чудцы — Татарские наволоки; по преданию здесь стояли та-

⁹⁷ В. Н. Майнов. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1887, стр. 20.

⁹⁸ Архив Уральского ун-та. Записано в 1967 г. в дер. Комарова Туринского района Свердловской обл. от П. Ф. Комарова.

⁹⁹ «Предания реки Чусовой», стр. 33.

¹⁰⁰ Архив РО, XXVII.17 (В. Рождественский. Описание быта жителей в Наровчатском у. в северо-западной местности. 1853 г.).

тary, вырубали лес и строили избушки-зимовки ¹⁰¹. В лесу Татарвanka (в Белорусской ССР) по преданию был убит татарский воин, оказавшийся переодетой женщиной. Заросшие озера у с. Городня Брестской обл. называют Татарские стойла якобы потому, что здесь когда-то стояли татарские кони ¹⁰². Такие названия поясняются обычно очень кратко. Но иногда с подобными названиями связывают и развернутые сюжетные предания героического или легендарного характера. Предания эти не собственно топонимические, в них повествуется о событиях, по они объясняют, как произошло название, закрепившее память о рассказанном случае.

Примером героических преданий, объясняющих также и происхождение местных названий, могут служить некоторые северорусские рассказы о борьбе с заходившими в начале XVII в. на Север отрядами «панов» ¹⁰³. В Олонецкой губ. об этом напоминали многие названия: Панское городище, Паново болото, Паниха и т. п. Некоторые из таких преданий имеют развитый сюжет. Например, рассказывали, что когда в с. Мегру Лодейнопольского района пришел большой отряд «панов» и потребовал деньги и имущество, крестьяне применили хитрость: ночью они подрубили пешнями лед на соседнем озере, а потом указали панам на середину озера, сказав, что сокровища спрятаны там. Паны бросились туда, лед треснул и они потонули. Поэтому озеро и стало называться Панское ¹⁰⁴. Предание это записано в ряде вариантов; существовала и легендарная версия о появлении озера, затопившего панов. Такого типа предания о «панах» были также в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях. Так, на правом берегу Волги недалеко от Костромы была Панова гора. Здесь будто бы долго жили поляки, направлявшиеся к Ипатьевскому монастырю и просившие перевезти их на другой берег (когда же их перевезли, они заблудились и утонули в озере) ¹⁰⁵. По сути эти предания могут быть отнесены уже к следующей группе.

2. Значительную группу составляют предания, связывающие топонимы со случаями, произошедшими когда-то в этом месте. Случаи, о которых рассказывается в преданиях, бывают самые различные: они могут быть связаны с важными для истории народа событиями, с крупными историческими деятелями, или же это местные происшествия, порой незначительные, иногда анекдотические, чаще же трагические. Разнообразны и способы образования названий, дающиеся в пояснениях.

Некоторые топонимы считают возникшими *в связи со случаями, произошедшими во время памятных событий: войн, вражеских на-*

¹⁰¹ В. Смирнов. Указ. соч., стр. 26 и 27.

¹⁰² Архив ИИЭ и Ф. Записано в дер. Городня Столинского района Брестской обл. от К. Л. Вечорки.

¹⁰³ Термин «паны» — сложный, под «панами» понимались также разбойники, а иногда и местные аборигены, но чаще всего отряды шведско-польских интервентов, заходившие сюда во время «смуты».

¹⁰⁴ К. Петров. Народные предания Олонецкой губернии. «Олонецкие губернские ведомости», 1860, № 1, стр. 2.

¹⁰⁵ В. Смирнов. Указ. соч., стр. 29.

шествий, народных восстаний и др. Например, про Снятну-гору в Псковской губ. говорили: «Здесь стоял монастырь: подступила литва и сняла монастырь тот [сожгла его вместе с монахами]. За тем и гора прозывается Снятна-гора»¹⁰⁶. В Алатырском уезде Нижегородской губ. было с. Ратово, «названное так будто бы потому, что на том месте, где оно находится теперь, стояла рать Ивана Грозного, отдыхая перед переправой через Суру во время похода па Казань»¹⁰⁷. Село Переволоки в Жигулях по преданию получило название оттого, что здесь разинцы переволакивали свои челны. Так и на Урале местные названия связывают с событиями времен Пугачева, с действиями пугачевцев: Копанец — место, где прокопали дорогу пугачевцы, уходя за Урал¹⁰⁸; или: «Вот эта гора у нас Весильницей называется. Про нее моей свекрови отец рассказывал: когда Пугачев приходил, тут вешали. Вешали богачей: забирали таких, кто имел много имущества, кто прятал, не сдавался. И еще, правда чуть-чуть помню, что столбы там стояли»¹⁰⁹.

Названия объясняли и как память о героических подвигах. Так, название г. Гдова возникло якобы так. Здесь было рыбацкое село, и однажды, когда рыбаки отправились на лов, на них напали ливонские рыцари и всех перебили. Вдовы и матери погибших решили за них отомстить. Они вырыли вокруг селения глубокие ямы, набили их острыми кольями, а сверху закрыли валежником. Рыцари, не ожидавшие сопротивления, напали на селение и попадали в ямы на острые колья; все они были уничтожены. Поэтому и город стали называть Вдов (Гдов уже искажение)¹¹⁰. У Мертвой горы (Олонецкая губ.) один боярин разгромил шайку панов-разбойников в несколько сот человек. Убитые были похоронены в этой горе, после чего она получила название Мертвой¹¹¹. О Калечей горе (БССР, Слонимская обл.) «старики рассказывают», что давно здесь была война и людей калечили¹¹², и т. п.

Нередко названия производили *от случаев, происшедших в данном месте с известными лицами*. Такие истолкования имеют очень давнюю традицию. Поляки, например, название г. Познань связали с легендарными родоначальниками славянских племен Чехом, Лехом и Русом. Здесь братья сошлись после долгой разлуки, хорошо узнали друг друга (poznałi się) и в знак этой встречи на месте деревушки образовали г. Познань¹¹³. Сербское село Щетанье назы-

¹⁰⁶ П. И. Якушкин. Указ. соч., стр. 244.

¹⁰⁷ А. П. Мельников. Указ. соч., стр. 609.

¹⁰⁸ Е. М. Блинова. Сказы, песни, частушки. Челябинск, 1937, стр. 18.

¹⁰⁹ В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953, стр. 257.

¹¹⁰ И. Ларионов. Легенды озера Чудского, преданья псковской старины. Псков, 1959, стр. 11—12.

¹¹¹ «Олонецкие губернские ведомости», 1903, № 11, стр. 3.

¹¹² M. Federowski. Указ. соч., т. II, стр. 317, № 350.

¹¹³ O. Kolberg. Dzieła wszystkie, t. 9, č. 1. Wrocław—Poznań, 1962, str. 265.

вается так якобы потому, что в этом месте любили гулять («шетались») царь Лазар и царица Милица¹¹⁴, и пр.

Преданий такого рода, связанных с древними персонажами, осталось, естественно, немного; основная масса их относится к лицам более позднего и совсем недавнего прошлого. Например, новгородцы рассказывали, что при слиянии речек Бочка и Гвоздь Иван Грозный будто бы принимал и угощал новгородских послов. Опорожнившиесь бочки от вина бросили в речку, которая стала называться Бочкой, а гвозди кинули в ручей, прозванный поэтому Гвоздем¹¹⁵. «... А гора Лепешка (в Жигулях) называется так потому, что вот как Стенька встречал баржи, так забирал все добро, а самого купца вниз сбрасывал, они и разбивались в лепешку... С такой высоты упасть, то лепешка получится»¹¹⁶.

Желание показать, что место, селения как-то связаны с историческими деятелями, приводило к тому, что подобным образом истолковывались названия, данные, очевидно, по физико-географическим особенностям или по занятиям жителей и фамилиям. Говорили о разных происшествиях, о мелких случаях. Так, место, где был будто бы найден потерянный Дмитрием Донским чулок, назвали в память этого Чулково¹¹⁷. О Супонине «ходит легенда, что своим названием село обязано Петру Первому, неоднократно бывавшему в Свенском монастыре. Как-то, проезжая из Свепи в Брянск, у него оборвалась на хомуте супонь. Он зашел в крестьянскую хату и попросил хозяина помочь ему. Мужичок в один миг из пеньки свил супонь, да такую крепкую, что царь, будучи силачом, не мог ее порвать. Петр был очень обрадован мастерством крестьянина и повелел в честь этого села назвать Супоневым» (супоневые старожилы передавали и другую версию: «будто их предки у царя Петра супонь стянули»)¹¹⁸.

Указания, что название было дано каким-то известным лицом, встречающиеся иногда в преданиях, также вызваны стремлением придать поселению или какому-либо месту историческое значение. Новгородцы, например, рассказывали, что с. Красноборье Иван Грозный переименовал в Красный Стан за то, что местные жители очень хорошо пришли его. «Это мой любимый Красный Стан»¹¹⁹. По одной из версий, объясняющих название Лодейное Поле, Петр I переименовал так дер. Мокришицы, когда там стали строить ладьи¹²⁰. Крестьяне с. Жигули говорили в 1962 г. студентам Педагогического института им. А. И. Герцена, что на Жигулевских горах

¹¹⁴ П. Поповић. Преглед српске књижевности. Београд, 1926, стр. 108.

¹¹⁵ «Новгородский сборник», вып. IV. Новгород, 1866, стр. 27.

¹¹⁶ Фольклорный архив Ленинградского государственного педагогического ин-та им. А. И. Герцена, 412/62.

¹¹⁷ «Устное народное творчество Рязанской области», стр. 106.

¹¹⁸ А. П. Шкроб и В. К. Соколов. Указ. соч., стр. 19.

¹¹⁹ «Новгородский сборник», вып. IV, стр. 30.

¹²⁰ А. Н. Сергеев. Предания о некоторых русских городах и местностях. «Север», 1894, № 7, стр. 373.

был Разин и названия им дал (например, гора Увин — тут «увивался», прятался Разин со своей компанией).

Сложная этимология, сочетающая имя и событие, придумана для объяснения названия Ирбит: «Есть город Ирбит. Там давно, еще стариков наших не было, много татар жило, поселение большое. Командовал у татар Ир. Ермак его поколотил. Ир бит был. Вот и прозвание такое пошло — Ирбит»¹²¹.

В преданиях, связывающих топонимы с крупными событиями и происшествиями с известными лицами, используются и общие мотивы и сюжеты. Примером может служить приведенное северное предание о Царской Луде, в котором использован древний международный мотив наказания моря. Сходно у разных славянских народов объясняются названия Девичья гора, Девичья скала и т. п. Так, о Девичьей (или Дивьей) горе в Онежском крае рассказывали, что с нее скатилась в воду девушка, преследуемая панами. Мотив — женщина бросается со скалы (или со стены города, замка), чтобы не стать добычей напавших врагов, — идет из ранних преданий, использовался он и в древней письменной литературе. Подобным же образом объясняли и болгары название Момин камен (Девичья скала) — с этой горы бросилась девушка, не захотевшая «штурчиться»¹²² (т. е. покориться туркам и принять мусульманство). Позднее, с обострением классовых противоречий, такие названия могли получать и социальную интерпретацию. Так, о Девичьей («Дзяячоная») горе в Могилевской обл. рассказывают, что давным-давно здесь жил феодал, у которого работали только молодые девушки. Однажды он приказал им наносить с р. Вихры гору песку. Работали много лет, многие погибли, но гору насыпали. Потому и называется она Девичьей¹²³.

В разных русских областях имеются Думные или Беседные горы. Объясняют эти названия везде сходно, но относят к различным популярным в том или другом крае лицам. На севере на таких горах Петр I якобы встречался и беседовал с местными крестьянами (а на одной такой Беседной горе, около Вытегры, у него даже украли камзол). На Волге в Жигулях на горах держал совет со своими соратниками Разин; на Урале на Думных горах Пугачев думал думу со своими полководцами и решал, что делать дальше; на горах же думали думы разбойники и легендарный Кудеяр. Были и караульные горы, о которых говорили, что в старину здесь стояли караулы и в случае появления врагов подавали сигналы, и т. п.

Большая группа топонимов объясняется в связи с местными происшествиями и обычаями. Поводы, по которым будто бы, а нередко и в действительности возникали названия, были самые разнообразные; здесь и более значительные факты местной жизни, и отдельные случаи, почему-либо запечатлевшиеся в названии.

¹²¹ Архив Уральского ун-та. Записано в 1967 г. в дер. Ермолина Слободо-Туринского района от Г. Н. Лучкина.

¹²² «Народные предания и легенды», стр. 57—58.

¹²³ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1951 г. в г. Мстиславле от К. Луцкина.

Названия могли напомнить о том, что было раньше па этом месте. Так, одна из версий белорусских преданий производит название Минск («Менск») от слова «мена» — здесь было скрещение крупы: торговых путей и происходил торг. У дер. Ревякино (в 7 верстах от Вязы) в старину по преданию были конские стойла и место это называется Стойловы Нивы¹²⁴. На месте Тыневичей (Белостокская обл. БССР) когда-то по пути из Бельска в Драгицк останавливались три православных монаха; потом на этом месте поставили тын, около которого всегда останавливались путники. А когда здесь образовалось село, его стали называть Тыневичи¹²⁵. Название Жигули местное население производило от пытки, применявшейся многочисленными в этих местах разбойниками, — тех, кто не говорил им, куда спрятал деньги, они «жгли на вениках». «В прежнее время, слышь, в этих местах людей жгли, с той поры вот нас и дразнят этим: жегуловцы да жегуловцы»¹²⁶, — говорил Д. Н. Садовникову семидесятилетний старик.

Названия были связаны и с местными обычаями: гуляньями, крестными ходами и т. п. Жители дер. Кисели на Чусовой говорили студентам Уральского университета: «Раньше деревня наша называлась Веселым Лугом. Красивое у нас место здесь. Лес, река, а весной тут черемуха расцветала, много ее было, все бело. Вот и ездили из Кына служащие да учителя отдыхать, веселиться. Так прозвали Веселым Лугом»¹²⁷. Информатор из соседней деревни говорил: «Местошибко красивое было, да и народ веселый да хороший, — оттого и деревня называлась Веселый Луг»¹²⁸. Гора Вознесенская в Полевском районе Свердловской обл. была так названа потому, что раньше в праздник Вознесения на нее ходили с иконами, а на горе Никольской останавливались, когда носили икону святителя Николая в Полевское. Название Натягайловка (в украинском местечке Звенигородка) напоминало о происходивших здесь в праздники кулачных боях между разными приходами: «А у самому городі, оце саме, де городничий живе, зоветця Натягайлівка. Що було як бьетця на кулачки парадія на парадію, то як доженуть до того міста, то вже добре за чуби натягаються, от и Натягайлівка»¹²⁹.

Названия осмыслились и как возникшие в связи с каким-то происшествием. Например, речка Молодая (в Белоруссии) стала так называться будто бы потому, что в ней потонули молодые, ехавшие от венца. Озеро Топило (на Украине) названо так из-за того, что «там хлопец чи-що втопивсь, та й и прозвали Топилом»¹³⁰.

¹²⁴ Архив ГО, XXXII. 33, л. 6 (*И. Златинский*. Этнографические сведения о жителях Вязовского прихода Великолуцкого уезда Псковской губ.).

¹²⁵ «Ніва». Белосток, 1966, № 42, стр. 3.

¹²⁶ Д. Н. Садовников. Жегули и Усолье. «Беседа», 1872, № 11, отд. II, стр. 51.

¹²⁷ «Предания речи Чусовой», стр. 26, № 9.

¹²⁸ Там же, № 10.

¹²⁹ П. Кулиш. Указ. соч., стр. 106.

¹³⁰ Там же, стр. 105.

Поводом для названия могло явиться и впечатление, произведенное местом на впервые пришедшего сюда человека. Например, Радзеж — человек пришел, обрадовался, что такое место¹³¹.

В ряде преданий показывается, что обстоятельства, давшие основание для названия, порождены социальными условиями; рисуется тяжелая жизнь народа в прошлом. В г. Бежичи будто бы бежали от крепостной неволи «гулящие люди»¹³². Название города Мукачев производят от мучиться. Очень давно, во времена, о которых уже изгладилась память, на равнине, где течет Латорица, поселился со своим войском какой-то чужеземный князь. Он вздумал построить замок-крепость, который стоял бы на горе и был бы неприступен. Тысячи возов тысячи дней возили землю, пока не насыпали гору потребной высоты. Работающим людям это стоило многих слез, кровавого пота, тяжелых страданий и мук. «Через це і назвали люди це місто Мукачевом»¹³³. О белорусском с. Сварынь рассказывают, что в Ветлах крестьяне восстали против панов, отказались на них работать; людей этих переселили в другое место и назвали его Сварынь¹³⁴. О с. Кураны записано следующее предание: во времена панщины, когда людей продавали, как скотину, сюда присыпали крестьян добывать руду. Людям жилось тяжело, они бежали и скрывались от панов в лесах, где делали кураны (шалаши)¹³⁵.

Тяжелая крестьянская доля рисуется в предании, записанном фольклорной экспедицией Уральского университета: «Вснахал крестьянин землю на мысу, засеял мыс, ухаживал, а на нем ничего не выросло. Засеял на следующий год этот же мыс — снова ничего не выросло. Сел он и заплакал: «Такова уж моя судьба». С тех пор этот мыс называют Плакида»¹³⁶. (По другой версии на этом мысу находилось кладбище и на нем плакали по умершим.)

Приведенные примеры, конечно, не исчерпывают всего многообразия преданий, связывающих топонимы с местными обстоятельствами. Но уже они показывают, какие разные, порой неожиданные, случаи приводились для их объяснения.

3. Топонимы производились от слов, произнесенных будто бы кем-то в этом месте. Таких объяснений значительно меньше, нежели разобранных в первых двух разделах, но они очень разнообразны и представляют порой занимательные рассказы; связь же названия с произнесенными словами представляется иногда замысловатой.

Слова, послужившие якобы поводом для топонима, произносят разные люди и при разных обстоятельствах. Как и в других типах

¹³¹ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1953 г. в с. Новолессе Радзежского с/с. Брестской обл. от К. Я. Дацюха.

¹³² А. П. Шкраб и В. К. Соколов. Указ. соч., стр. 32.

¹³³ «Легенды Карпат», стр. 108.

¹³⁴ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1953 г. в дер. Радастав Дивинского района Брестской обл. от Ф. Д. Дмитрука.

¹³⁵ Там же. Записано в дер. Санюки Ельского района Гомельской обл. от Г. Мельник.

¹³⁶ Архив Уральского ун-та. Записано в 1967 г. в дер. Городище Слободо-Турицкого района Свердловской обл. от К. Д. Горина.

топонимических преданий, наиболее ранний образец представляют предания, в которых соответствующие слова произносят родоначальники племен, военачальники, князья, причем они могут выступать одновременно и как первые поселенцы, дающие названия новым местам. Так, одно из объяснений производит название первой польской столицы *Gniezno* от слов пришедшего сюда Леха: «*Gniezdźmy się tu*» («Здесь приютимся») ¹³⁷.

Со словами исторических лиц как раннего, так и более позднего времени связывались разные названия. Так, Вой-Наволок в Онежском крае по преданию обязан своим названием словам Петра I: он три дня простоял в Наволоке из-за непогоды и после этого сказал: «Вой-Наволок!» ¹³⁸. От его слов пошло якобы и название брянской деревни Злыника: возвращавшийся после Полтавской битвы Петр захотел напиться и поговорить с народом в находившемся здесь скиту, но оказалось, что раскольники спрятались от него в лесах. Походив по пустым дворам, Петр рассердился и сказал: «Здесь одни злыдни живут!». Это слово и закрепилось потом за селом. По другой версии, сами жители жаловались Петру I: «Посмотри, батюшка, на какой скучной земле живем мы. Не земля, а злыдка» ¹³⁹.

Такого типа предания встречаются у разных славянских народов. Так, у поляков ряд названий связан с Казимиром Великим, в том числе и с произнесенными им будто бы словами, например названия Бедзина (Bedzina), Челяди (Czeladzi) и Загужа (Zagórza). По дороге во Вроцлав Казимир решил остановиться на привал и сказал: «Здесь остановимся мы, а там народ-челядь» («*My tu budeme, a tam czeladź*»); те же, кому не хватило места, расположились за горой (za góra) ¹⁴⁰. Отсюда и произошли названия этих мест.

Производились названия от слова первых поселенцев, строителей, владельцев. Например, название белорусского села Бершты объясняют так: когда делили землю, эту никто не хотел брать и один говорил другому: «Беш ты, беш ты» (бери ты) ¹⁴¹. Название югославского города Трибан связывают со словами пришедших впервые в это место словенцев: «*Mi tribamo dobru zemju i dobru rašu*» ¹⁴² («Мы хотим хорошей земли и хороших пастбищ»).

Таким способом объяснялись и названия более поздних поселений. Любопытна в этом отношении одна из версий, объясняющих происхождение названия рабочего поселка Брянской области Ивот (названного, очевидно, по р. Ивоть, на которой он расположен): когда в 1785 г. была закончена постройка завода и поселка, владелец его Мальцев, потирая руки, сказал: ««И вот, поселок готов». Таким

¹³⁷ «*Słownik folkloru polskiego*», str. 270.

¹³⁸ Е. В. Барсов. Петр Великий в народных преданиях Северного края. «Беседа», 1872, V, стр. 300.

¹³⁹ А. П. Шкроб и В. К. Соколов. Указ. соч., стр. 29.

¹⁴⁰ «*Słownik folkloru polskiego*», str. 166.

¹⁴¹ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1954 г. в с. Бершты Скидельского района Гродненской обл. от В. К. Русилки.

¹⁴² «*Istarske narodne priče*», стр. 120, N 73.

образом, начало фразы, вскользь брошенной промышленником, послужило будто бы названием поселка»¹⁴³.

Слова, от которых произошли будто бы местные названия, могут напоминать и о значительных событиях народной истории. Так, встречающееся на Среднем Урале название «Шайтан» (гора, р. Шайтанка и др.) объясняется как связанное с походом Ермака: «. . . как пришли сюда белые люди с Ермаком Тимофеевичем, то встретили их вогулы у камня, откуда Шайтанка-то и течет. Увидели их белые люди и выпалили из ружей. «Шайтан, шайтан!» — закричали вогулы (черт значит по-ихнему) и убежали. Отсюда и прозвалась река Шайтанкою»¹⁴⁴. Совершенно так же объяснили и название камня Шайтан — татары здесь впервые увидели огнестрельное оружие¹⁴⁵. Название же р. Погибна на Украине объясняли так: во время одного из вражеских набегов спрятавшиеся в прибрежных лозах люди увидели, как татарин ведет через мост захваченного им украинца. «От погибше чоловік ці за собаку», — сказал один и убил колом врага. Тогда те люди сказали: «. . . нехай лучче річка зоветця Погибною, щоб тут уже ніколи люде не погибали»¹⁴⁶.

Сходные предания встречаются у разных славянских народов. Например, по болгарскому преданию с. Плетена стало так называться с XVII в. благодаря одному случаю во время турецкого набега. Все население села укрылось тогда в лесу, не убежала лишь самая красивая девушка, заплетавшая свои длинные косы. Мать несколько раз говорила ей, чтобы она бежала, и, наконец, в испуге закричала: «Плетена-недоплетена, дъща, да бягоме!». Девушка погибла, и в память ее село получило новое название («след гибели на момата в нейна чест селото было наречено Плетена»)¹⁴⁷.

Названия, производные от сказанных слов, связываются и с прошлым данного места, с существовавшими обычаями, порядками и пр. На Урале, например, так объяснили название г. Полевской: когда здесь построили завод, для охраны его был выставлен гарнизон солдат. По боевой тревоге: «Войско в поле» они выходили в поле. «Боевой клич перешел в название поселка»¹⁴⁸.

Слова, давшие повод для названия, могли быть сказаны кем-то случайно, иногда даже по анекдотическим поводам, и толкования их были разнообразные. Например, один из информаторов так объяснил название поселка Дивин: здесь было море и на лодках сюда заезжали украинцы. Один сказал другому: ««Дывись, тут можно адыхнуць». Ад таго і Дывін»¹⁴⁹. Название г. Велиж произошло будто бы так: Екатерина II, проезжая город, спросила, как он назы-

¹⁴³ А. П. Шкраб и В. К. Соколов. Указ. соч., стр. 37.

¹⁴⁴ «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка», стр. 48, № 15.

¹⁴⁵ «Предания реки Чусовой», стр. 43, № 13.

¹⁴⁶ П. Кулиш. Указ. соч., стр. 104—105.

¹⁴⁷ «Народные предания и легенды», стр. 184.

¹⁴⁸ Архив Уральского ун-та. Записано в 1967 г. в г. Полевском от В. В. Хмелица.

¹⁴⁹ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1953 г. в поселке Дивин Брянской обл.

вается. ««А як ты вяліш зваць?» — Вот адсюль: «Вяліж»¹⁵⁰. Название г. Несвиж объясняют так: когда князь Радзивилл построил город, он не знал, как назвать его, и послал слугу, сказав: «Какое первое слово услышишь, так и назову город». Слуга встретил человека, несшего рыбу, и спросил, свежий ли карп. «Не свіж» (не свежий), — ответил тот. Отсюда г. Несвиж¹⁵¹. По другой версии «не свіж» было сказано об убитом охотниками и оставленном в лесу медведе.

От слов, произнесенных будто бы Петром I, производят на Севере и существовавшие задолго до этого финские названия Вожмосалма и Соломбала. По звунию названия эти производят от соломы и рассказывают о них одно и то же: Петр залюбовался здесь работавшими крестьянами и устроил им пир: ели и плясали на соломе, после чего Петр сказал в одном случае: «Вот так важная солома»¹⁵² (Вожмосалма), а в другом: «Вот настоящий соломенный бал»¹⁵³. Название г. Кинешма производят от слов, сказанных якобы плененной Степаном Разиным персидской княжной: когда казаки стали смеяться над Разиным, он решил бросить ее в Волгу. «Она ему говорит: «Кинешь ма» (кинеш меня) — по нашему она плохо говорила. Отсюда и Кинешма пошла»¹⁵⁴.

Как можно видеть из приведенных примеров, во всех преданиях говорится о каком-то случае общего или местного значения, сходен и характер рассказов. Отличие между выделенными группами лишь в том, что берется за основу топонима. При этом одно и то же название иногда может производиться от имени, события и от физико-географических признаков, причем иногда придумывается сложная этимология. Некоторые примеры разного истолкования одного и того же топонима уже приводились. Можно указать и другие. Так, в хранящейся в Архиве Всесоюзного географического общества рукописи П. Введенского «Происхождение слова «Валдай» (1850 г.) приводятся разные толкования этого названия. Валдай производят от «дай вола» — здесь, говорят, была таможня для воловщиков — погонщиков волов. Другие производят Валдай от слова «владай». И, наконец, приводится уже историческое предание, записанное от служителя Иверского монастыря: Валдайское озеро прежде будто бы называлось «Вал», когда же Никон отдал его Иверскому монастырю, прежние владельцы крестьяне все время просили монастырские власти оставить озеро за ними, говоря: «Вал дай». Поэтому их стали так дразнить, и название это закрепилось за озером¹⁵⁵. К этому добавилось, возможно уже позже, и наиболее распространенное объяснение

¹⁵⁰ Архив ИИЭ и Ф. Записано в 1955 г. в г. Велиж Смоленской обл. от И. Соскова.

¹⁵¹ Там же. Записано в 1951 г. в г. Несвиже от К. М. Короля.

¹⁵² Е. В. Барсов. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края, стр. 34.

¹⁵³ С. Максимов. Год на Севере. СПб., 1864, стр. 541.

¹⁵⁴ Фольклорный архив Ленинградского государственного педагогического ин-та им. А. И. Герцена, 126/62. Записано в 1962 г. в дер. Ермаково Жигулевского района от И. П. Чеканова.

¹⁵⁵ Архив ГО, XXIV.16.

ние — от имени первого поселенца. «Другие утверждают, что оно [название Валдай] произошло от человека по имени Валда, который основался на берегу озера и создал первое поселение»¹⁵⁶.

Пример с Валдаем показывает, что разные толкования одного и того же названия встречались уже в середине XIX в. То же фиксировал и П. И. Якушкин. Так, один из его информаторов, сообщив, что дорога около Стародуба в Черниговской губ. называется Царевой потому, что ее проложил Петр I, когда «на Литву под Полтаву ходил», чтобы можно было пройти войску, тут же добавил: «А другие болтают, что за Трубчевском был царский винокуренный завод, так, говорят, от того завода дорога стала Царской; кто ее знает!»¹⁵⁷.

Разные осмысливания топонимов указывают на большой интерес к ним, о стремлении обязательно объяснить их. Они являются также свидетельством, что поводом для многих преданий служили уже сами названия. Старое толкование нередко менялось и под впечатлением новых событий, встреч с новыми людьми. В то же время разные версии, существующие одновременно в одном и том же месте, показывают, что предание перестает уже восприниматься как нечто достоверное, идущее от предков, в чем нельзя усомниться. Особенно показательно наличие многих версий для современного состояния преданий. Приведу лишь один пример — записанные недавно в Висимском районе Свердловской обл. объяснения, почему гора называется Пугина. Связывают это название с Пугачевым: «На этой горе скрывался Пугачев — отсюда и название»¹⁵⁸. Другой информатор связал название с местным жителем: «Там был покос Пугинин. Название отсюда, а как же»¹⁵⁹. И, наконец, название связывается с персонажем народных верований — на горе очень хорошо пела красавица, а кто идет по горе, да заслушается, того пугала. «Оттого и Пугиной зовется. Только что-то нонче она не поет»¹⁶⁰. Возникают и рассказы о встречах с женщиной, появлявшейся на горе. «У меня отцу было лет 15, холостой еще был. Его один дядька попросил привезти смолы. Поехали они, а все зимой. Ехали уже назад. Доезжают до Пугиной горы, а кони встали на дыбы, не идут. Смотрят — стоит женщина, сажени две ростом. В газовом платье, напевает, хлопает в ладоши, ноги у нее — какие-то копыта, а руки обыкновенные. Ребята ругаются на нее, кричат, а она ни с места. Кони рвут, а один парень говорит: «Это она нас пугает». Взял, переобулся да и прочитал молитву — и исчезло. Там, на горе, всегда водились всякие дьяволы и лесные. Потому и Пугина гора»¹⁶¹. Это уже не предание, а типичная быличка с характерными для нее персонажами и морфологическими особенностями, передающаяся в форме мемората. И возникла она не для объяснения названия, а потому, что такое объяснение уже существов-

¹⁵⁶ И. Виноградов. Дар Валдая. «Правда», 5 июня 1970 г., стр. 6.

¹⁵⁷ П. И. Якушкин. Указ. соч., стр. 380.

¹⁵⁸ «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка», № 17, стр. 48.

¹⁵⁹ Там же, № 18, стр. 49.

¹⁶⁰ Там же, № 19.

¹⁶¹ Там же, № 20.

вало и на горе должна соответственно ему появляться женщина и пугать прохожих и проезжих. Быличка как бы подтверждала одно из толкований названия.

При разных способах образования топонимов преобладающей оказывается тенденция производить их от личных имен. И, как можно было видеть, даже названия, данные по физико-географическим и другим признакам, начинают производить порой также от имен (например, Висим, Валдай и др.). Встречаются и предания, утверждающие, что название дали первые пришельцы. Это естественно, места должны были называться именами первых их открывателей или первые пришельцы должны назвать их. Вместе с тем явственно ощущается стремление связать топонимы с важными событиями и популярными лицами.

Предания, производящие топонимы от имен, оказываются и наиболее достоверными, хотя и в них много вымысла; в них нередко сохраняется память о действительных лицах. Предания же, связывающие топонимы с историческими событиями и деятелями, определены общей исторической ситуацией, но конкретные случаи, о которых в них рассказывается, обычно вымышлены. И, как правило, уже целиком вымышлены предания, производящие названия от сказанного кем-то слова.

Как и всякое предание, топонимические предания рассказывались к случаю, когда речь заходила о каком-то объекте и его названии. Их основная цель — информация, форма же передачи во многом зависела от самого рассказчика. Об одном и том же случае, послужившем, как считали, поводом для названия, могли рассказывать и очень кратко, и более пространно, с художественными образами, диалогами и пр. По прежним записям преданий далеко не всегда можно судить об их форме и стиле, так как записывающий старался передать лишь суть, фабулу предания, а не воспроизвести его точно. Современные же записи показывают, как различно может передаваться одно и то же предание. Сошлюсь только на один пример — объяснения названия камня Олений, приведенные в сборнике «Предания реки Чусовой». Большинство информаторов ограничивались очень кратким сообщением, вроде: «Олений камень — гнали оленя охотники. Он бежал, бежал и пал с камня-то»¹⁶². Вместе с этим записано и более развернутое предание о гордом красавце-олене. «Дело было еще при царе Косаре. Гнали охотники оленя по лесу. Красив, сказывают, олень тот был, красив, могуч да быстроног. Долго и хитро петлял он по лесу, с одной горы на другую взлетал, как стрела. Охотники уже утомились, а олень — ничего, сила еще есть. Ушел он от охотников-то, да только сам не заметил, как оказался па камне. Взлетел он на камень и остановился: сзади охотники с ружьями, впереди — Чусовая. Не захотел он даться в руки людям, взметнулся в последний раз, пролетел, как птица, и упал, и разбился. Насмерть разбился»¹⁶³. Стиль этого рассказа кажется манерным, несколько

¹⁶² «Предания реки Чусовой», стр. 92, № 7.

¹⁶³ Там же, стр. 93, № 9.

искусственным; он напоминает даже стилизации под фольклор XIX в. Но он интересен как показатель того, что предание утрачивает свою исконную познавательную функцию и рассказчики стараются сделать его занимательным, красивым. О потере веры в рассказываемое говорит и недопустимая для преданий шуточная хронология «при царе Косаре». Отсюда весь рассказ воспринимается как красивый вымысел, связанный с определенным местом, как «легенда»; именно этот термин в смысле вымысел, сказка употребляют иногда современные рассказчики по отношению к преданиям. С утратой преданиями познавательной функции в них все большую роль начинает играть функция эстетическая; рассказы с занимательным сюжетом, художественно оформленные, вызывают больший интерес. В таком виде топонимические предания продолжают жить и используются в путеводителях, краеведческих очерках и пр.